

НАУЧЕНИЕ ОБРАЗОМ

Научение образом... Образование образом... Воображение образом – на пути к Первообразу – Богу... - размыслить бы теперь о том, что образ, ничего не повествуя, предлагаем нам свою самобытность... самобытие, предъявляет себя нам к нашему уяснению... к у-яснению, про-яснению нас – собою... к утешению нас в нашем путешествовании скорбном.

Преставилась раба Господняя Ольга... Ольга Сигизмундовна Попова – уже - отошла ко Господу своему, к Богу нашему. Веруем, не исчезла из мира живых – но в руки Господни в мире Его предела свой дух, свою светлую и тёплую душу... и нужно ли теперь пояснять, что за человек – скрывается в Вечности за именем своим... пояснять любому, кто как-то связан с художественным изображением образа Божьего, с русской иконой, с изучением или хоть самой малой заинтересованностью в образе христианском, в истории Византии. И мне, опечаленному, - чем утешиться нынче, как ни малой радостью воспоминаний и безмерной благодарностью судьбе, промыслу, милости Господней к себе, грешному, - тем уже, что довелось прикоснуться к её личности... самой малой своей историей – буквально несколькими часами – довелось ощутить тепло её постигающего искреннего и объёмлющего взора, её ум, интеллект, душу... в меру своих сил и в меру данного мне. Неподъёмна, неутолима печаль, несносна утрата, словно бы зияющая пустота, которую заполнишь ли теперь... и, выговаривая что-либо из глубины своей опечаленности, как не ввалиться в простые, примитивные словесные штампы иссушенных слов... как не расплескать своего чувства, пытаюсь вложить в слово свою боль, восполнить образовавшейся зияющей лакуны – бряцанием смыслов. Возможно ли высказать вполне, да и хоть бы отчасти – накапливающее теперь сожаление об утрате...

Но не о том, совершенно не о том хочется говорить сейчас, несколько отвлекая себя в былую радость, не помышляя о её прекращении... - о продолжении длящегося непрерывно внутреннего диалога с Ольгой Сигизмундовной – диалога, быть может, существующего только для меня одного, начатого мигом личного общения при, казалось

бы, случайной встрече. И вот, как продолжение встречи этой - мысленно формулировал что-то важное для себя и предлагал ей, представлял её возражения мне... настраиваясь на выверенный и неложный камертон её мысли... и вновь отвечал ей, согласовывал свои суждения с тем, что она могла бы сказать в ответ, в чём могла бы поддержать и укрепить, а в чём бы никак поддерживать не стала. Так длились потаённые беседы с ней, восставали противоречия ей... несогласие и – восторг на грани преклонения перед нею. Быть может, непосредственное личное общение для продолжения внутреннего сокровенного диалога было уже если не излишним, то не столь уж обязательным... вот и ничуть не прервался он с её преставлением в мир иной, несомненно – лучший мир. Можно ли и нужно ли как-то обобщать, высказывать это именно теперь, когда начавшееся общение совсем не исчерпано, не прервано, не иссякло ничуть. Почти через неделю отшествия её души от нашего – такого воистину брэнного - видимого нами мира.

Верим, что где-то здесь она ещё, в местах возлюбленных ею, облюбованных, согретых её почти детским, искренним восторгом. Вот – говорит она о нежелании, не близости для неё рассуждений и стезе суждений через постижение иконографии, о букве изъяснения образом. «Графо» - пишу начертываю смыслы мертвящей буквой – буквицей. Вот, вероятно, что было неприемлемо ей в иконе – в образе Божьем, - витийствование в смыслах, обретение смыслов, утешение в смыслах, написанных знаком, начертанных мертвящей буквой. За пределы начертания буквенного – распространялся её объемлющий, проникновенный и постигающий взор, её живой интерес – выходил за рамки видимых исчерпываемых значений. Собственно – образ, - о нём толковала и доносила она желающим услышать, усвоить и приблизиться к её разумению, к её настроению истончённого познанием ума и души, восприимчивой и отзывчивой образу. Образ, научающий собою, образ, ведущий за собой, образ, как посредник на нашем пути к Богу... учительствующий собою – образ. Словно бы впитывая, вдоволь насыщаясь обаянием духовной красоты образа, она щедро распространяла, преподносила, пре-подавала его самую собой, своим живым естеством, причастным к сокровенному... Быть может, столь естественным ответом на это одаривание в ходе её лекционных занятий – монологов, благодарная аудитория рукоплескала по завершении, будто так не сдерживая радости о дарах пре-поднесённых, пре-поданных, воспринятых... или же несомненной радости прикосновения к приоткрывшейся тайне образа, оживающей в личности преподающего.

Вслушиваясь в слово Христа, - Его ученикам, вероятно, следовало преодолевать всяческую ограниченность слышимого ими слова, превосходить привычные значения слов, способные выхолостить смыслы, – преодолевать – видимым и осязаемым – живым Христом, являющим Себя паче всяческих словес – Слово – Истину – видимую и осязаемую, уверительную... заповедь – новую – о Любви. Не вразумительны слова о воскресении, но вразумительно явственное преображение – в дополнение к словам произнесённым. Вразумительно и уверительно – чудо – паче словес о нём. Вразумительно – и животворно оправдывающее Любовь и преодолевающее смерть – Воскресение. Но именно через слово, преодолевая тесные рамки - узы его значений – возможно было приблизиться к Самому Богу... и блаженны – слышавшие. В каком-то смысле – безразлично то, в каком состоянии нами: Марфы ли, Марии, - услышано слово Христа... Внешняя суета в приготовлении трапезы, тишина замеревшей у ног Спасителя – равнозначны и равнозначительны к преодолению словесных уз – равнозначительны перед Богом, раскрывающим Себя перед ними. Слово произносится и для хлопочущей и для безмолвствующей в тишине сердечной не для одного распознавания и усвоения смысла произнесённого, как не для одного лишь прочтения символ... - но для проникновения к Самому Христу – через приготовления Ему трапезы, через принесения Ему своей тишины,

через потупление взора и растворение ума в сердце... ужели противоречит одно – другому или же дополняется одно-другим. Равнозначны и равнозначительны участи Марфы и Марии перед Богом, являющим Себя, являющим через Слово... помыслим же так теперь...

Не приемлет раба Божья Ольга никакого ограничения в символе... символом. Образ привлекает, вовлекает и интересуется её превыше прочего, более, чем его очертания, - смысл торжествующий над формой, а более того – Бог, скрывающий Себя за тоненькой мембраной, посредствующей перегородкой, видимостью отъединения от мира... и видимость эта – образ. Чем более тонок, духовно прозрачен образ, тем более великолепен он, тем более проникаем через него к нашему восприятию первообразный, превыше-образный Бог. Только теперь – внятно доносится к осознанию эта настроенность Ольги Сигизмундовны именно на образ, на не проговариваемое внутреннее со-образование с ним, - и не станем подменять этой её настроенности своими измышлениями об эстетике и эстетизме учёного... влюблённого в предмет своего изучения, в объект своего научного и превыше-научного проникновения. Могла ли как-либо ограничить её вовлечённость научного интереса в стилистику образа, даже если сама она называла себя специалистом именно в стиле живописания, в стиле иконосоздания, образотворения... стиле, как свойстве согласия, содействия выразительной способности художника – мастера и выражаемого Первообраза. Мог ли стиль образотворчества стать каким – либо ограничением для неё. Стиль, как личное свойство, способ и способность автора, обусловленные традицией и школой его мастерства – выражать Невыразимого, изображать – Неизобразимого... неограничиваемого и безграничного - Бога. Стиль – принимался ею, как способ и свидетельство о приближенности к Творцу... и не иначе... так видится теперь...

Неизменен Первообраз, но изменчив человек перед Ним – и изменчива выразительность человека, приникающего... и переменны способы, сама способность к выразить Невыразимого, возможность и глубина прикосновения к Неприкосновенному... художественно и творчески - выявить Невыявляемого. Быть может, это и есть – стиль в понимании Ольги Сигизмундовны, - стиль, который так интересовал, привлекал и заботил её, нарочито удаляющуюся, отстраняющую себя от стискивающих, ограничивающих правил при безусловном знании их... от текста, которому не должно дозветь над живым образом... от принятых и самодостаточных вариантов толкования иконографических смыслов – удаление и отстранение без пренебрежения ими. Образ, как плод, воплощение живого согласия, как печать согласованности, как отблеск тепла личного соприкосновения Бога и твари – вот, что есть образ, - и тогда стиль есть проявление личного свойства, живого свидетельства и особенности опыта этого соприкосновения. Повторимся же, быть может теперь, с отшествием рабы Божьей Ольги – яснее становится то, о чём она говорила нам и что имела она в виду, - Тот, пред – Кем предстаёт она теперь воочию своей души.

Научение образом перед Богом. Научение человека образом. Бог – научает, приучает к Себе, усиливаясь приобщить, возратить разорванную общность райского события с человеком. Дивно содействие, согласие, соработничество человека и Бога. Бог научает и человек – научается. Свидетельство этого научения, след и по-следствие этого научения – образ Божий, приоткрывающийся в человеке, оставляемый человеческим образотворчеством. Образ Божий – как печать Божьего огня на нашем времени, как отпечаток согласия человека с Творцом, как эхо, отразившееся в темнеющем ущелье нашего пути... эхо взаимного призывания и приветствия человека и его Творца. Научение и приобщение – образом. И свидетельство научения, уверение в самой возможности произошедшего приобщения – образ Бога перед нами... откликающийся ему образ Божий

- в нас. Образ – как свидетель личного контакта. Пожалуй, в большей мере – свидетель, чем побудитель к этому контакту, к восстановлению связанности с Первообразом. Побуждение иных, пробуждение к Богу через образ, быть может, уже вторично в образотворчестве. Человек – предстаёт перед Творцом и свидетельствует о возникшей близости – образом, раскрывшимся, воспрянувшим в себе, потеплевшим и окрепшим в душе перед Богом. Это потепление, умягчение озлобленного сердца – свидетельствуется образом, - свидетельствуется перед Богом прежде всего, преподносится Богу и одному Ему – прежде всего... Другое, совсем другое дело в том, что и ближние – могут пользоваться этим свидетельством, как свидетельством о личном приобщении, совершившемся, случившемся, произошедшем. Научает - образ. Отнюдь не знак в нём, не мертвящая буква над ним, о нём. Не «графо», но жизнь и в ней - Сама Любовь – тёплый и обжигающий Живой Бог. Тепло соприкосновения человека и Бога – отпечатлено и запечатлено средствами живописания, образотворения... - так свидетельствует образ, так – нас научает он. Также – и мученик – свидетель, представ перед Богом, до исчерпания своей жизни, вместе с принесением Богу всего себя - до конца – приносит свидетельство и нам, отстранённым и жаждущим приобщиться. На этом свидетельстве – зиждется храм, на нём утверждается литургия, более того, и совершается таинство – на нём же, на самой малой частице этого свидетельства – нетленного тела, несущего на себе тепло души и духа свидетеля, представшего Богу... принятого в объятия Господние.

Так научает образ, так во-ображает в себя, так образ – образует во-ображаемого им человека... Сумеет ли мы – так проникнуться и так проникнуть в то, о чём столь тепло, столь искренне и часто не явно, прикровенно – исповедовала нам Ольга Сигизмундовна... Доносила и свидетельствовала нам – она... доносила и свидетельствовала, согревая свои слова – любовью, как живущим перед нами образом Божьим... любовью к образу Бога, преподаваемому нам... к образу Бога в нас.

Упокой, Господи, её в местах Своих благоприятных, в обителях светлых, в прямом и ничем более неопосредованном приближении к Себе.

Как бы прозрачный невесомый шар, -
Уже ли он – отображает Слово... -
Для бытия незримого, иного –
Выскальзывала юная душа,
Из тела, отдалиться не спеша
От чуждого обличия больного.
Она – созревший плод – уже готова
И зыблется меж нами не дыша.

Дрожит свеча мерцаньем светлых слёз.
Объятия добрых рук теплы настолько... -
Сегодня – явлен Тот, Кто звал: приди!
Дыханьем чистым, как волна на плёс, -
Преставилась раба Господня Ольга.
Тесны врата – просторно впереди.

+++

Несносна боль и немощи узда.
Ужели старость нас расчеловечит,

Ложась крестом на зябнущие плечи,
Как плотно обступившая беда,
Как ночь, в которой ни одна звезда
Не теплится ни близ и ни далече,
А гнёт времён глумится и не лечит
Несчастных у купели Вифезда.

Туман сочувствия ещё живых... -
Что искры слов при расточенье смысла,
Что блики слёз – их, ветер, иссуши.
На месте злачне Ты - покоишь их,
А здесь – лишь грусть безмерная раскисла
В объятиях тепла её души.